

УДК 811.161.1'04'373.611'38

ББК 81.2Рус-2

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-96-103

О. Ю. Крючкова
Саратов, Россия

Olga Yu. Krjuchkova
Saratov, Russia

**ВЛИЯНИЕ ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ
XI–XVII ВЕКОВ
НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ПРОЦЕССЫ**

**THE INFLUENCE OF GENRE
AND STYLISTIC DEVELOPMENT
OF THE RUSSIAN WRITTEN LANGUAGE
OF XI–XVII CENTURIES
ON WORD-FORMATION PROCESSES**

Статья посвящена исторической динамике словообразовательной системы русского языка в аспекте жанрово-стилистического развития письменной речи.

Развитие словообразовательных средств, значений, моделей в значительной степени определяется особенностями жанрово-стилистической системы языка определенного хронологического периода, ценностной иерархией жанров письменности.

Изменения в жанрово-стилистической структуре русской письменности на протяжении донационального периода истории русского языка стимулировали рост и снижение продуктивности, а также взаимодействие словообразовательных моделей, формирующихся в рамках разных жанрово-стилистических регистров.

На материале целого ряда словообразовательных моделей субстантивного и глагольного словопроизводства в период XI–XVII вв. показано угасание продуктивности словопроизводственных образцов, обеспечивающих потребности книжных славянизированных жанров письменности, и увеличение продуктивности моделей, ориентированных на тексты деловой и бытовой письменности.

Ключевые слова: жанры письменности, стилистические регистры, словообразование, история русского языка, донациональный период.

The article deals with historic dynamics of Russian word-formative system in the aspect of genre and stylistic development of written language.

The development of word-formative means, meanings, and models is greatly influenced by the peculiarities of the language genre and stylistic system in a given chronological period, as well as by the value hierarchy of written genres.

Changes in genre and stylistic structure of the Russian written language, during the period before the national language formation, stimulated growth or reduction of productivity, and the interaction of word-formation models developing in the frames of different genre and stylistic registers.

The author shows, on the material of many word-formation substantive and verbal models of the XI–XVII cent., the decrease of productivity of word-formation patterns, providing for the needs of literary genres of written texts based on Old Slavonic, as well as the increase of productivity of models orientating at the business and everyday written texts.

Key words: genres of written texts, stylistic registers, word-formation, history of the Russian language, period before the national language formation.

Сведения об авторе: Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: vpks@rambler.ru

ORCID 0000-0002-2814-4095

About the author: Krjuchkova Olga Yur'evna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language Theory, History and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: vpks@rambler.ru

ORCID 0000-0002-2814-4095

Введение

Динамическая и творческая природа словопроизводственных процессов акта (в процессах образования новых слов задействованы самые разные факторы – от морфонологических до ономаσιологических и социокультурных) делает словообразование максимально

отзывчивым к процессам языкового развития и одновременно «мощным источником гипотез о динамике языка» [1: 251]. Среди многих факторов (собственно языковых и внеязыковых), влияющих на эволюцию словообразовательных средств, значений, моделей, значительная роль принадлежит влиянию, идущему от состо-

яния жанрово-стилистической системы языка определенного периода. Общая направленность словообразовательных процессов, развития словообразовательной нормы зависит от ценностной иерархии текстов письменной культуры, от развития жанровой структуры письменности в данный хронологический период. Жанрово-стилистическая дифференциация словообразовательных средств – одна из постоянно действующих тенденций русского словопроизводства. Она выражается в жанрово-стилистической маркированности словообразовательных средств, значений, моделей. Одни деривационные модели свойственны книжным жанрам, другие являются приметой разговорной речи или сленга.

Подобная дистрибуция словообразовательных средств свидетельствует о значительной роли функционально-стилистического фактора в развитии словообразовательной системы русского языка. Набор функциональных стилей и типов речи, степень их разработанности, иерархия жанров в каждую историческую эпоху влияют на динамику словообразовательной системы русского языка, придают ей своеобразный вектор развития. Тесная связь словообразовательной динамики с жанрово-стилистическим развитием, с важнейшими коммуникативными тенденциями требует обязательного учета этих факторов при изучении словообразовательных процессов.

Особенности языковой ситуации на Руси в донациональный период

Своеобразие русского языка донационального этапа определяется особенностями языковой ситуации в этот период, которая характеризуется как различием языковых идиомов, используемых в устной и письменной речи, так и несопадением (гетерогенностью) языковых подсистем, применяемых в разных жанрах письменности – в письменности книжно-славянской, с одной стороны (богослужбная, переводная литература, жития, ораторская проза), и в письменности делового и бытового содержания – с другой стороны. Каждая из жанрово-стилистических подсистем письменной речи в донациональный период представляла собой особым образом нормированную систему. Ср. определение языковой ситуации донационального периода, данное М. Л. Ремневой: «...языковая ситуация на Руси вплоть до нового времени характеризовалась наличием двух нормированных и кодифицированных языковых феноменов, друг другу

противопоставленных, и эта противопоставленность определяла специфику книжно-письменной культуры на Руси» [2: 37]¹.

Традиционно выделяемые в рамках донационального периода синхронные срезы (древнерусский и среднерусский) отмечены неодинаковым соотношением текстов, представляющих норму книжную (славянизированную) и норму некнижную (отражающую народно-разговорный язык). Это, в свою очередь, определяет степень интенсивности развития каждой из норм, характер их взаимодействия. Жанровая динамика, меняющееся соотношение текстов книжно-славянской и некнижной языковой традиции на протяжении XI–XVII вв. служат базой для активного взаимодействия жанрово распределенных норм.

В донациональную эпоху (от XI в. к XVII в.) словообразовательная норма в целом развивается в русле ослабления продуктивности словообразовательных моделей, обслуживающих потребности текстов книжно-славянской языковой ориентации и нарастания продуктивности моделей, формирующихся в рамках деловой и бытовой письменности. Движение это, разумеется, является постепенным и нелинейным². Становящаяся все более очевидной стилистическая дифференциация письменной речи обуславливает активное структурно-семантическое развитие словообразовательных подсистем.

Древнерусский период (XI–XIV вв.)

Главенствующее положение книжных, славянизированных жанров в ценностной иерархии текстов письменной культуры в древнерусский период рождало потребность в средствах стилистического оснащения именно этой группы текстов. Интенсивное развитие в это время в рамках книжно-славянской письменной традиции получает словообразовательная категория абстрактных имен (*nomina abstracta*). Очевидная стилистическая маркированность производных этой развивающейся словообразовательной категории обусловила лидирующее положение словообразовательных типов с суффиксами старославянского происхождения *-ьств(о)* и *-и(е)* на фоне других словообразовательных формантов, не принадлежавших к числу ярко выраженных средств церковно-книжной стилистической ориентации, таких как *-ин(а)*, *-от(а)*, *-н(ь)*, *-ост(ь)*. Производные типа *благовѣръство*, *благовѣрнѣ*, *милосѣрдьство*, *милосѣрднѣ* регулярны в памятниках с книжно-

¹ Речь идет об особом типе кодификации, осуществляемой посредством ориентации на образцовые тексты.

² Имея возможность наблюдать исключительно за письменными памятниками, мы не можем судить о степени новизны словообразовательных моделей, однако сам факт их проникновения в письменность, несомненно, свидетельствует об их продуктивности и способствует нормализации словопроизводственных образцов.

славянской нормой. По наблюдениям исследователей, в «Материалах...» И. И. Срезневского содержится более 600 существительных с суффиксом *-ство* и столько же слов с суффиксом *-ие*, см.: [3, 4].

Словообразовательные модели абстрактных имен существительных активно разрабатываются в древнерусской письменности, прежде всего в переводной литературе, удовлетворяя культурную потребность в именном способе представления качеств и состояний – потребность, возникшую в связи с восприятием греческих культурно-философских концептов.

Письменные жанры книжно-славянской языковой ориентации в силу их высочайшего авторитета оказывают влияние на все более интенсивно развивающуюся «некнижную» (неславянизированную) письменную традицию. Это влияние ведет к проникновению производных абстрактных имен в деловую письменность и светскую литературу, что, в свою очередь, способствует развитию жанрово-стилистической дифференциации наиболее продуктивных формантов этой словообразовательной категории. Так, суффикс *ств(о)* приобретает, по выражению В. В. Виноградова, бóльшую степень «русскости», встречаясь иногда в языке деловых бумаг, в различного рода посланиях и в произведениях светской литературы, тогда как имена на *-ие* закрепляются исключительно в переводной церковной литературе [5]. Именно такое стилистическое распределение дериватов на *-ство* и *-ие* было описано в работах Э. М. Ножкиной [3], Ю. Г. Кадькалова [4].

Однако несмотря на взаимопроникновение двух относительно самостоятельных нормированных систем «книжного» и «некнижного» письменного языка, взаимодействие языковых идиомов осуществляется все же в рамках той ценностной иерархии текстов письменной культуры, которая свойственна данному историческому периоду.

Приоритет церковнославянской книжно-письменной традиции в древнерусский период ограничивает стилистическую нейтрализацию производных абстрактных имен, препятствует размытию их жанрово-стилистических границ. Так, восстановление книжности в некоторой степени нейтрализованных имен на *-ство* достигается с помощью развития моделей синонимического нанизывания абстрактно-именных суффиксов [6], и прежде всего (и не случайно) посредством модели *ств(о) + -и(е)*, имевшей значительную регулярность в старославянской

письменности. Существительные на *-ствие* (*невѣръствие, зълѡдѣиствие, чувствие, въдовствие, томительствие* и под.) в древнерусский период принадлежали исключительно высокому стилю, связанному со славяно-книжной традицией.

Ср.: *И ѿт всѣхъ еретичествии все зло събравъ. ГА. XIII–XIV вв.*³ Тогда приступльше ученици къ Иисѹ единому, рекоша: Почто мы не могохомъ изгнати его [беса]? Иис же рече им: *За невѣрствие ваше. Остр. ев. 1057 г.*

Многие из них, по всей видимости, были результатом авторского словотворчества. Большая часть производных на *-ствие* – слова низкочастотные, нередко единичного употребления. Однако словообразовательной норме книжно-славянских жанров письменности абстрактные существительные на *-ствие* вполне соответствуют⁴.

Сложение и функционирование модели удвоения суффиксов *ств(о) + -и(е)* имеет, на наш взгляд, именно стилистическую мотивацию. Об этом свидетельствуют не только незначительная частотность большей части производных на *-ствие* при значительной продуктивности модели, но и семантическая несамостоятельность имен на *-ствие* (полное или выборочное дублирование семантики имен на *-ство*).

В других словообразовательных подсистемах развиваются процессы, аналогичные тем, которые наиболее ярко отразились в группе абстрактных имен. Противопоставленность и взаимодействие гетерогенных языковых идиомов, особая значимость оппозиции «книжное – некнижное» стимулируют активную конкуренцию словообразовательных типов в других семантико-грамматических классах слов. Так, конкуренцией жанрово распределенных норм в древнерусский период обусловлена конкуренция словообразовательных типов лично-одушевленных существительных с суффиксами *-тел(ь)*, *-анин(ь)*, усвоенными из старославянского языка, с одной стороны, и, с другой стороны, типов с суффиксами *-ник(ь)*, *-ец(ь)* праславянского происхождения: *дѣлатель – дѣльникъ, обитатель – обитальникъ, гражданинъ / гражданинъ – градникъ, бѣжанинъ – бѣглець*

Конкуренцией жанрово распределенных норм вызвано и функционирование словообразовательных дублетов с суффиксами незрелости *ищ(ь)* и *-ич(ь)* с фонетическими приметами соответственно южнославянского и восточнославянского происхождения: *робнищъ – робничъ* ('сын рабы') *птичь – птищъ*.

³Здесь и далее иллюстрации приводятся по [7].

⁴Словообразовательная норма проявляется не в использовании готовых языковых единиц (в данном случае производных слов) – это норма лексическая, а в использовании правил их построения [8].

Те же причины лежат в основе конкуренции глагольных словообразовательных типов с префиксами старославянского происхождения (*воз-, при-, съ-, из-*) и русского происхождения (*по-, отъ-, вы-*): *въслѣдовати – послѣдовати, пристигнути – постичи* ('произойти, случиться'), *състичи – постигнути* ('догнать'), *изъяти – отъяти исъчи – высьчи*. Каждое из параллельных образований нормативно в рамках своего языкового идиома и присущих ему жанров. Например, производные на *-тель* и *-ищъ* (*дѣлатель птищъ*) употреблялись преимущественно в канонических текстах, а имена на *никъ* и *-ичъ* – (*дѣльникъ птичь*) – в памятниках деловой письменности.

Проникая в другую языковую среду, жанрово маркированные производные словообразовательно адаптируются в соответствии с языковой нормой текста-реципиента. Средством словообразовательной адаптации в направлении «книжное ↔ нейтральное» или наоборот нередко становятся модели нанизывания семантически тождественных гетерогенных аффиксов (модели семантической редупликации) [9]. Появляются производные типа *дѣла-тельникъ, обита-тел-ьникъ, лов-ч-анинъ, пр-ичищъ, роб-ичищъ, вос-по-слѣдовати, при-постичи, съ-по-стигнути, из-отъ-яти, неприязн-ьств-о, несъг-ост-иѣ, погыб-ѣл-иѣ, жени-тв-иѣ, зл-об-иѣ, зл-об-ьств-о*. Такие аффиксально усложненные образования – это обычно окказиональные слова единичного употребления, созданные для данного случая, что говорит о нормативно-регулирующей функции данных форм в границах определенных жанров.

Зависимость словообразовательной нормы от иерархии жанров письменности подтверждается, в частности, общим характером редупликационных моделей в данный период. Главенство письменных жанров книжнославянской ориентации определяет то, что среди разнообразных моделей аффиксальной редупликации в древнерусский период в целом преобладают модели с редупликаторами (вторично присоединяемыми аффиксами) старославянского происхождения. Это суффиксы *-и(е), -ств(о), -ищ(ь), -анин(ъ)*, префиксы *воз-, из-, пр-*, *раз-, съ-*, образующие стилистически маркированные двусуффиксные имена и двупрефиксные глаголы, которые не отличались семантически от однокорневых односуффиксных и одноприставочных параллелей, но поддерживали общую панегирическую тональность древнерусских памятников книжнославянской ориентации.

Вторичное присоединение форманта старославянского происхождения служило, очевидно, средством стилистической перекодировки форм. Эта функция аффиксального

повтора подтверждается текстовым функционированием одноаффиксных и двааффиксных коррелятов. Ср.: *Великого князя деревни Семеновские Игнатъева Великопогостного за Ивашкомъ за Блеклымъ за Семеновымъ сыномъ Михайлова за Трусовымъ сестричемъ Воробьнна*. ДТП II, 21. 1500 г.

Но: *Ганю же кesarю сице погнвшу, сестричищъ его присный скипетры приемлетъ и кesarь нареченъ высть Севастъ*. Хроногр. 1512 г., 229. В контексте существительного *сестричищъ* употреблена синтаксическая конструкция старославянского происхождения – оборот «дательный самостоятельный».

Ту же коммуникативную природу имеют двупрефиксные глаголы с вторичными приставками старославянского происхождения (*прѣ-, про-, съ-, из-, раз-, воз-* и др.). Глагольные формы типа *проповѣдати, прѣпровождати, распространѣтися, избрати, съпостигнути* широко распространены в начальные периоды письменной истории русского языка и функционируют в древнерусской и старорусской письменности наряду с однопрефиксными синонимами (например, *повѣдати, проваждати, прострѣтися, избрати, постигнути*), которые нередко уже имели в своем составе аффиксы старославянского происхождения. Вторичная префиксация в любом случае усиливала столь важный для многих жанров письменности этих эпох подчеркнутый ореол книжности, возвышенного, развернутого стиля, насыщенного различными типами повторов, ср. [10: 38].

Многие двупрефиксные глаголы представляли собой греческие кальки и являлись приметой определенных жанров (церковно-проповеднической литературы), служили показателем следования книжно-письменной традиции, находились в ряду средств высокой риторики. Ср.:

Проразумѣть отъшьльць. Пат. Син. XI в.

Чадо лѣта своя съ кротостию прѣпровождан, и члвкомъ възлюбленъ боудеши. Изб. Св. 1076 г.

Дшвня осквърнения проочистивъ пощенемъ. Мин. 1096 г.

Яко цркы избврана въ нен непорочная проовроучена Дхмъ таино, оуневѣщена Боу и Оцю. Мин. 1097 г.

Паче поуцьшаго лоуцьшеє славно проізвравъ. Мин. 1096 г.

Боуца на одрѣ волѣзни припосѣцаета постомъ. Мин. 1097 г.

Характерно, что последовательности из равнозначных гетерогенных префиксов регулярны в составе отглагольных имен на *-иѣ* и в составе причастных форм, свойственных книжно-письменной, церковнославянской речи. Ср.: *ис-по-рүчение, ис-по-рүчивься, вос-пропннающе, ис-про-күжение, из-о-врѣтение*. Этот

факт еще раз подтверждает главенство нормативно-регулирующей функции префиксального удвоения в древнерусском языке, его жанрово-стилистическую обусловленность.

Старорусский период (XV–XVII вв.)

Письменная культура данного периода характеризуется увеличением жанрового разнообразия письменных памятников и в то же время сохранением прежней жанрово-стилистической иерархии письменных текстов. Это определяет специфику словообразовательных процессов в старорусском языке. В этот период на словообразовательную динамику с одинаковой силой влияют разнонаправленные нормативные векторы, словообразовательные подсистемы активно реагируют на «запросы» как высоких книжных жанров, так и жанров, отражающих демократизацию письменной речи, усиливающуюся экспансию народно-разговорного языка.

В старорусский период по-прежнему интенсивно развиваются словообразовательные модели абстрактных имен существительных. При этом усиливается жанрово-стилистическая дифференциация имен с суффиксом *-ств(о)* и имен с редуцированным формантом *-стви(е)*. Имена на *-ствие* маркируют высокий стиль, соответствуют славяно-книжной норме (показательно, что среди них много сложных слов типа *благовѣрствіе, священноначальствіе, злоковарствіе, благодѣтельствіе, многолѣтствіе*). Имена же на *-ство* часто употребляются в текстах не книжной языковой нормы. Ср.: [Никоново] *злоковарствіе* на святѣю... церковь и на него великого государя объявилось многое. Д. патр. Никона, 1676 г. Но: Билъ челомъ... Феѣдка... досажда святѣю церкви и емѣ архіепископѣ злоковарство мѣ своимъ. Гр. Дв., 1688 г.

В отдельных случаях функциональные различия между именами на *-ство* и *-ствие* перерастают в семантические. Например: *Царство* – ‘царский престол’; ‘титул царя’, *Царствіе* – ‘царствие небесное, блаженство загробной жизни’; *Витийство* – ‘красноречие, ораторское искусство’, *Витийствіе* – ‘изошренность, высокое искусство в чем-л.’; *Ревенство* – ‘усердие, рвение’, *Ревенствіе* – ‘пылкое рвение’. Однако семантические различия в старорусских новообразованиях являлись именно следствием функциональной дифференциации имен на *-ство* и *-ствие*

Однако в целом жанрово-стилистический «перелом», назревающий в старорусский период, стимулирует постепенное угасание продуктивности моделей, производящих книжные формы, снижение

продуктивности редупликационных моделей с редупликаторами старославянского происхождения. В различных словообразовательных подсистемах увеличивают продуктивность словообразовательные модели, направленные на производство лексем со сниженной, народно-разговорной стилистической окраской. Так, модели со старославянскими глагольными префиксами утрачивают деривационную активность. Взамен этого стремительно наращивают продуктивность модели с русскими приставками *вы-*, *на-*, *за-* и особенно *по-*. Приставка *по-* развивает чрезвычайную активность также и в качестве вторичной, вытесняя прежние, старославянского происхождения, префиксы-редупликаторы, иногда и при одних и тех же основах. Ср.: др.-русс. *съпослѣдствовати* и ст.-русс. *попослѣдствовати* др.-русс. *прѣ-ѹкрѣпити, прѣ-ѹмножитися* и ст.-русс. *поѹкрѣпити, поѹмножитися*; др.-русс. *произволити* и ст.-русс. *поизволити*.

Древнерусские и старорусские дупрефиксные глаголы различны функционально. Древнерусские дупрефиксные глаголы употреблялись, как правило, в памятниках с книжно-славянским типом литературного языка и выполняли собственно стилистическую функцию, маркируя этот тип речи. Дупрефиксные глаголы старорусского языка встречаются в памятниках, отразивших народно-разговорную языковую стихию, и передают чаще всего те или иные модификационные оттенки значения, характеризующие действие с точки зрения способа его протекания – степени полноты, интенсивности, распределения на один или множество объектов. Ср.: *Преѹкрѣплена надежею вашею. Мин. 1097 г. Но: Ѧ какъ... бѹдетъ ѹ насъ, и мы тебѣ, слѹгѹ своего, поѹкрѣпимъ себѣ гораздо, чтобы какъ тебѣ, нашему слѹзѣ в наше мѣ жалованиѣ безъ страхѹ быти. АИ I, 1523 г.*

Ино *произволнѣше*, а ино сътвориша. Ефр. крм. Вас. Но: [Государь] довольно чинил с милости своей, *поизволя* емѣ все что ни есть пристойного было. Воссоед. Укр. с Росс., 1651 г.

Подобными стилистико-семантическими различиями характеризуются и распространявшиеся в старорусской письменности префиксальные прилагательные: *пре-изобильный, пре-излишний, пред-на-больший, рас-про-зрительный* и *по-при-ближный, по-приличный*

Глаголы с вторичной приставкой *по-*, употребляясь в памятниках, отразивших народно-разговорные языковые традиции, часто представлены в высказываниях от первого лица (просьбах, пожеланиях, советах, обращениях к вышестоящим), они сближаются по своей коммуникативной значимости со стилистиче-

ским функционированием диминутивных суффиксов (например, *-ушк*, *-ушк*), выступают как своеобразные этикетные формы, формы вежливости. Ср. примеры функционирования префиксально удвоенных глаголов в качестве этикетных разговорных форм:

...и от него, **Ивана**, грамотка, и ты, гсдѣрь, *поросиотри* и меня не выдан Грамотки, XVII в.

Пожалуй *побереги*, а то, гсдѣдарь, я вѣдаю, вѣдетъ только твоя милость, вѣдетъ и головѣ нечего дѣлать. Переп. Хован., XVII в.

Ты вы, гсдѣдарь, смилвался, пожаловалъ меня в томъ, ужь нанѣ отъ моего брата... въ тѣхъ безлѣпнидахъ *поворонилъ*. АИ, 1517 г.

А на писмо не *поззри*, что худо и неисправно. Д. Патр. Никона, 1659 г.

Новым стилистическим тенденциям письменной речи, усилению в ней народно-разговорного начала соответствуют формирующиеся в различных семантических классах модели с суффиксом *-к*. Так, неоднократно описано нарастание в письменности XVII в. конкуренции словообразовательного типа отглагольных имен с суффиксом *-к* с другими, «книжными», словообразовательными типами – с типами на *ние*, *-тие*, см., напр. [11] Суффикс *-к* начинает использоваться в роли специфического форманта разговорности, в том числе дооформляющего в этом качестве суффиксальные первичнопроизводные основы: *брызга-л-о* – *брызга-л-к-а*, *крап-ин-а* – *крап-ин-к-а*, *дяд-ин-а* – *дяд-ин-к-а* ('жена дяди'). Ср. официальную запись, в которой использовано производное без *-к(а)*, и запись, передающую разговорную речь с двусуффиксным производным, дооформленным суффиксом *-к(а)*: ...записано в литейной сѣводикъ имя преставльшейся *дядины* его Ксѣнии. (Кн. прих.-расх. мон. казн.) Арх. Он. 1688 г. Но: Да я же **Монсейко** слышал ѹ своей *дядинки* ѹ **Ефимовой** жены **Васильева** ѹ **Парасковьи**. А. Свир. м., № 110. Допрос. 1649 г.

Пожалуй, наиболее ярким результатом и одновременно свидетельством жанрово-стилистической динамики письменной речи, ее демократизации становится интенсивное проникновение в письменность диминутивных производных. Памятники среднерусского периода отличаются от древнерусских памятников не только значительно большим количеством диминутивных образований, но и их семантической эволюцией от значения реальной уменьшительности к эмотивно осложненному значению уменьшительности – уменьшительно-ласкательному или уменьшительно-уничтожительному, что, в свою очередь, способствует

заметному росту продуктивности моделей вторичной диминутивной суффиксации. Бурное структурно-семантическое развитие диминутивной подсистемы отвечало новым стилистическим потребностям, насыщая речевые произведения и лексическую систему яркими эмоционально-экспрессивными языковыми средствами.

В этот период наблюдается расширение словопроизводственной базы диминутивных моделей, впервые в текстах появляются диминутивы, обозначающие абстрактные понятия: *работка* и *работочка*, *силка* и *силочка*, *смертка* и *смерточка*, *словцо* и *словечушко*, *шумокъ* и *шумочекъ*. Эти факты указывают на семантическую переориентацию суффиксального диминутивного удвоения в старорусском языке. Суффиксально редуцированные диминутивы появляются теперь не только для обновления стершегося уменьшительного значения, но и для усиления и дальнейшего коннотативного осложнения диминутивной семантики (см. [12]).

Заключение

Таким образом, жанрово-стилистический фактор, жанрово-стилистические предпочтения в национальном дискурсе различных социально-исторических эпох играют значительную роль в эволюции словообразовательных моделей. История словообразовательной нормы в донациональный период развития русского языка – это история изменения регулярности и продуктивности словообразовательных моделей книжно-славянского языка и языка деловой и бытовой письменности, а также история взаимодействия моделей нормативных для каждого из языковых идиомов.

Параллельное развитие двух типов словообразовательной нормы в донациональный период истории русского языка – нормы книжно-славянской и нормы, в большей степени ориентированной на народно-разговорную языковую стихию⁵ взаимодействие принадлежащих этим типам словообразовательных моделей определили в дальнейшем словообразовательную специфику русского языка, который характеризуется многокомпонентностью словообразовательных категорий, включающих в свой состав ряды близких в функциональном отношении словообразовательных типов с семантико-стилистическими различиями, наличие стилистически дифференцированных словообразовательных средств, маркирующих различные по жанрово-стилистической принадлежности лексемы

⁵Ср. замечание Г. А. Николаева о том, что «противопоставление стилистически маркированных (славяно-книжных) и нейтральных форм составляло основную оппозицию в сфере словообразования на ранних этапах развития русского литературного языка» [13: 74].

Актуальность жанрово-стилистической оппозиции «книжное – некнижное» на ранних этапах развития русского литературного языка имела своим следствием то, что разностилевые элементы противопоставлены в русском языке, в том числе и в его словообразовательной подсистеме, достаточно отчетливо, по наблюдениям исследователей (ср. [13]), значительно четче, чем в других славянских языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М.: Наука, 1979. 264 с.
2. Ремнева М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 336 с.
3. Ножкина-Елина Э. М. К вопросу о продуктивности суффикса -ство в древнерусском языке // Ученые записки Саратовского университета. 1959. Т. 67. С. 123–127.
4. Кадькалов Ю. Г. Словообразовательная декорреляция отвлеченных имен существительных на -ие, -ье в истории русского языка // Исследования по историческому словообразованию: материалы конф. (г. Звенигород, 1989 г.). М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1994. С. 136–148.
5. Виноградов В. В. К истории лексики русского литературного языка // Русская речь. Новая серия. 1927. № 1. С. 90–118.
6. Крючкова О. Ю. Словообразовательные цепи с двумя абстрактными именами в истории русского языка и развитие категории nomina abstracta // Предложение и слово: сб. науч. тр. / отв. ред. С. В. Андреева. Кн. 2. Саратов: Науч. кн., 2010. С. 135–150.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975.
8. Михайлов М. А. Норма в словообразовании // Норма и функционирование языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр. Горький: ГГПИ им. М. Горького, 1989. С. 17–23.
9. Крючкова О. Ю. Редупликация как явление русского словообразования. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 261 с.
10. Улуханов И. С. О языке Древней Руси. М.: Наука, 1972. 136 с.
11. Пичугина В. П. Отглагольные существительные с суффиксом -к(а) и их словообразовательные параллели в памятниках XVII века // Исследования по исторической грамматике и лексикологии: сб. ст. / отв. ред. И. С. Улуханов. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1990. С. 83–94.
12. Крючкова О. Ю. Развитие русского диминутивного словопроизводства сквозь призму теории концептуализации мира // Человек. Язык. Культура: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 2. Киев: ИД Д. Бураго, 2013. С. 49–57.
13. Николаев Г. А. Формы именного словообразования в древнерусских текстах // История русского языка. Лексикология и грамматика: сб. ст. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. С. 68–75.

REFERENCES

1. Ginzburg E. L. *Slovoobrazovanie i sintaksis* [Word-formation and Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 264 p. (in Russian).

2. Remneva M. L. *Puti razvitija russkogo literaturnogo jazyka XI–XVII vv.* [Ways of Development of the Russian Literary Language XI–XVII cent.]. Moscow, Izd-vo Mosc. un-ta, 2003. 336 p. (in Russian).

3. Nozhkina-Elina Je. M. K voprosu o produktivnosti suffiksa -'stvo v drevnerusskom jazyke [About the Productivity of the Suffix -'stvo in the Old Russian]. *Uchenye zapiski Saratovskogo universiteta* [Memoirs of Saratov University], 1959, vol. 67, pp. 123–127 (in Russian).

4. Kad'kalov Ju. G. Slovoobrazovatel'naja dekorreljacija otvlechennyh imen sushhestvitel'nyh na -ie, -'e v istorii russkogo jazyka [The Word-formative Decorrelation of the Abstract Nouns Ending with -ie, -'e in the History of the Russian Language]. In: *Issledovanija po istoricheskomu slovoobrazovaniju: materialy konf. g. Zvenigorod, 1989* [Studies on Historical Word-Formation: conf. proc. Zvenigorod, 1989]. Moscow, In-t rus. yaz. RAN, 1994, pp. 136–148 (in Russian).

5. Vinogradov V. V. K istorii leksiki russkogo literaturnogo jazyka [About the History of the Russian Literary Language Vocabulary]. *Russkaja rech'. Novaja serija* [Russian Speech. New Series], 1927, no. 1, pp. 90–118 (in Russian).

6. Krjuchkova O. Ju. Slovoobrazovatel'nye cepi s dvumja abstraktnymi imenami v istorii russkogo jazyka i razvitie kategorii nomina abstracta [Word-forming Chains with Two Abstract Nouns in the Russian Language History and the Development of the Nomina Abstracta Category]. *Predlozhenie i slovo: sb. nauch. tr.* [The Sentence and The Word]. Saratov, Nauch. kn. Publ., Kn. 2, 2010, pp. 135–150 (in Russian).

7. *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language of XI–XVII cent.]. Moscow, Nauka Publ., 1975 (in Russian).

8. Mihajlov M. A. Norma v slovoobrazovanii [The Norm in Word-formation]. In: *Norma i funkcionirovanie jazykovykh edinic: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [The Norm and Language Units Functioning: interuniv. coll. of sci. art.]. Gor'kij, GGPI im. M. Gor'kiy, 1989, pp. 17–23 (in Russian).

9. Krjuchkova O. Ju. *Reduplikacija kak javlenie russkogo slovoobrazovanija* [The Reduplication as a Phenomenon of Russian Word-Formation]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2000. 261 p. (in Russian).

10. Uluhanov I. S. *O jazyke Drevnej Rusi* [About the Language of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 136 p. (in Russian).

11. Pichugina V. P. Otglagol'nye sushhestvitel'nye s suffiksom -k(a) i ih slovoobrazovatel'nye paralleli v pamjatnikah XVII veka [Verbal Nouns with the Suffix -k(a) and Their Word-Formative Parallels in the Texts of the XVII cent.]. In: *Issledovanija po istoricheskoj grammatike i leksikologii: sb. st.* [Studies on Historical Grammar and Lexicology]. Moscow, In-t rus. yaz. AN SSSR, 1990, pp. 83–94 (in Russian).

12. Krjuchkova O. Ju. Razvitie russkogo diminutivnogo slovoizvodstva skvoz' prizmu teorii konceptualizacii mira [The Development of Russian Diminutive Word-Formation in the Light of the World Conceptualization Theory]. *Chelovek. Jazyk. Kul'tura: sb. nauch. st.: v 2 ch.* [Human. Language. Culture: coll. sci. art. in 2 parts]. Kiev, ID D. Burago, 2013, ch. 2, pp. 49–57 (in Russian).

13. Nikolaev G. A. Formy imennogo slovoobrazovaniya v drevnerusskikh tekstah [The Forms of Noun Word-Formation in the Old Russian Texts]. In: *Istorija russkogo*

jazyka. Leksikologija i grammatika: sb. st. [History of the Russian Language. Lexicology and Grammar: coll. of art.]. Kazan', Izd-vo Kazan. un-ta, 1991, pp. 68–75 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 08.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Крючкова О. Ю. Влияние жанрово-стилистического развития русской письменной речи XI–XVII веков на словообразовательные процессы // *Жанры речи*. 2018. № 2 (18). С. 96–103. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-96-103

For citation

Krjuchkova O. Yu. The Influence of Genre and Stylistic Development of the Russian Written Language of XI–XVII Centuries on Word-formation Processes. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 96–103. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-96-103